

The book cover features a man and a woman in a romantic pose against a night sky with a large full moon. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a black blazer over a teal shirt. The woman, on the right, has long blonde hair and is wearing a light pink dress, with her hand on the man's head. The title 'Альфы' is written in large, stylized yellow and silver letters across the bottom. The author's name 'АДА РАЕВСКАЯ' is at the top in silver block letters. A rating box is in the bottom left, and an age restriction '18+' is in the bottom right.

АДА РАЕВСКАЯ

Альфы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ада Раевская Трофей Альфы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70060186

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда я услышала его голос в своём доме, то не поверила своим ушам: моему мужу угрожает парень, которого я когда-то бросила по воле родителей... Он так изменился: и внешне, и внутренне. Его глаза теперь горят неестественным светом, а не любовью ко мне. И теперь он решил забрать меня, чтобы муж вернул ему таинственный Камень. Он жесток, властен и беспринципен – совсем не тот человек, которого я знала. И человек ли? Желтые глаза, рык и выступающие когти говорят, что нет. Но мне плевать. Я ничего ему не должна! Пусть только вернёт мою дочь... Нашу дочь.

Содержание

Глава 1. Юля	4
Глава 2. Юля	13
Глава 3. Юля	21
Глава 4. Андрей	28
Глава 5. Андрей	36
Глава 6. Юля	42
Глава 7. Андрей	52
Глава 8. Юля	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ада Раевская

Трофей Альфы

Глава 1. Юля

– Где. Чёртов. Камень?! – Голос, который разносится по всему нашему дому, явно зол. Он в ярости, и мой муж его боится.

Я тоже боюсь. Боюсь, что из-за крика проснётся Мила и заплачет, или выйдет из комнаты, чтобы спросить, что случилось... Тогда этот Голос может ей навредить.

– Я... Я не знаю, – блеет Дима, не в силах скрыть свой ужас. – Мне... сказали, ты продал его!

– Врёшь, сука! – будто услышав мои молитвы, Голос становится тише. Он всё так же зол, но уже не кричит. – У тебя сутки, тварь. Притащишь его мне. И даже не пытайся свалить – из города тебе не выбраться, а я знаю, что камень здесь.

Голос кажется знакомым, мысли путаются и вспомнить его я не могу, но сердце мучительно сжимается, быстрее мозга поняв, кто это.

– Андрей, его забрали две недели назад, как я смогу его найти?... – Дима говорит что-то ещё, но я уже не слышу.

Шум в ушах нарастает, мне не хватает воздуха и хочется

кричать, но я зажимаю рот рукой, чтобы не издать ни звука.

Андрей. Это он... Не удивительно, что я его не узнала сразу: со мной он никогда так не разговаривал, и я не слышала, чтобы он на кого-то так... рычал.

Слабая надежда на то, что это не он ещё остаётся. Потеряв страх, я опускаюсь на пол тихо-тихо и ползкомдвигаюсь к лестнице, стараясь не издавать даже шороха.

– Мне плевать, как ты будешь его искать. Как забрал у меня, так и вернёшь. Понял, урод?! – когда он заканчивает говорить, я уже подползаю к перилам и могу видеть его и Диму.

И да, это тот самый Андрей, который когда-то давно, в прошлой жизни, был моим. Он изменился так сильно... Но это точно он.

Сердце сжимается, но страх за Милу оказывается сильнее: я даже дышу через раз, чтобы на меня никто не обратил внимания.

Вижу, как Андрей делает тягучий шаг вперёд и одной рукой хватается Диму за ворот, вздёргивая его вверх так легко, будто тот ничего не весит.

– Сутки. И, знаешь... – пугающий мужчина из моего прошлого втягивает воздух в себя, будто бы принимает. – Я, пожалуй, заберу кое-что и у тебя! – он резко скидывает взгляд и смотрит мне прямо в глаза.

Я отшатываюсь, но вовремя понимаю, что лучше мне самой спуститься на первый этаж, чтобы сюда никто не под-

нялся и не разбудил Милу.

Вскакиваю на ноги и быстро сбегаю по лестнице. Оказавшись возле мужчин, я делаю вид, что ничерта не понимаю, и Андрея не узнала.

– Что вы тут делаете? – я возмущаюсь, но намеренно делаю это не громко. – Я сейчас вызову полицию, с ними и будете разбираться, кто у кого и что забрал! – тянусь к телефону, который находится в кармане, но Андрей успевает перехватить мою руку быстрее.

Буквально отшвырнув Диму, он уже через мгновение крепко сжимал моё запястье.

– На камень она, конечно, не тянет, но вдруг ты быстрее вспомнишь, куда его дел, если эта прелесть поедет со мной?

Я безуспешно пытаюсь выдернуть руку, сверля взглядом грудь Андрея, обтянутую футболкой.

Пять лет назад он почему-то не казался мне таким огромным, хоть и был очень высоким. Сейчас он – целый айсберг. Правда от него пышет жаром, будто он в лихорадке. Впрочем, и не исключено: на нём лёгкая ветровка, а на улице уже заморозки.

Чёрт, о чём я вообще думаю?! Не знаю, что там они с Димой не поделили, но лучше бы он его прибил, чем докапывался до меня... И лишь бы мила не проснулась, только бы она не...

В оглушительной тишине я слышу скрип двери и шлёпанье детских ножек по полу.

– Мамочка-а! – сонный голосок моей дочки будто кувалдой бьёт меня по голове. – Ма-а-ам, я хочу пи-и-ить! – Мила резво топает по лестнице, а мы все молчим, ожидая, когда она окажется внизу.

Моя девочка протирает глаза кулачками, поэтому не сразу видит, что происходит тут.

– Ма-а-ам, а это кто? – её глаза становятся такими круглыми, что кажется, будто в полумраке зажглись две луны.

– Мила, мы тут разговариваем, – я изо всех сил пытаюсь не заикаться и быть спокойной. – Иди в свою комнату, я принесу тебе воды скоро.

– Но мам, я хочу сейчас! – ребёнок не понимает, что, похоже, мы вляпались в крупные неприятности. – Пап, – она поворачивается к Диме, который всё ещё пытается отдышаться и потирает шею. – А есть сок?

В этот момент Андрей, всё ещё держащий мою руку, отмирает, отпускает меня, каким-то смазанным шагом оказывается возле Милы и, сев перед ней на корточки, говорит:

– Сок закончился, за ним надо съездить. Поедешь? – он почему-то охрип, но мне на это совсем наплевать, я умоляюще смотрю на Диму, которому было плевать на меня, но Мила-то ему не совсем безразлична!

Дима делает шаг вперёд, но Андрей останавливает его взглядом, и муж замирает как изваяние.

– Но мама говорит, что ночью надо спать... – лопочет Мила, и я, наплевав на осторожность, сама подбегаю к ней и

подхватываю её на руки.

– Конечно, ночью нужно спать, – я улыбаюсь, как умалишённая. – Сейчас ты водички выпьешь и дальше будешь спать.

– Мам, а кто этот дядя? – дочка смотрит на Андрея, как заворожённая. – Я хочу с ним поехать... – она лопочет это тихо, не моргая и глядя чётко на Андрея, который выглядит примерно так же, только молчит.

Это чёртова мистика, но какого хрена?! Эти двое видят друг друга впервые в жизни, но выглядят так, будто скучали. Я не верю в этот бред, но в голове вдруг мелькает мысль, что между ними вполне себе есть связь, и даже не мистическая, а вполне себе обычная: родственная. Но ни Андрей, ни Мила об этом знать не могли, так что, повторяюсь, какого хрена?!

– Отстань от ребёнка, – я шиплю на Андрея, отворачивая голову Милы в другую сторону. – Она к вашим разборкам никакого отношения не имеет!

Он, как в замедленной съёмке, поворачивает ко мне голову и говорит:

– Но она имеет отношение к нашим с тобой разборкам, – он будто заставляет себя разозлиться, потому что это происходит так же заторможенно. Его лицо искажает злая гримаса: – Давно не виделись, Юля, я так по тебе скучал, – кривая усмешка и тон выдают сарказм.

В этот момент в дом входят ещё трое огромных мужиков, и Андрей командует им:

– Этого, – он кивает в сторону Димы, – Не трогаем. А девочки поедут с нами, чтобы у папочки было больше мотивации.

Один из мужиков скидывает с себя курточку и впихивает её мне в руки, чтобы я завернула Милу. Второй накидывает мне на плечи свою, и я понимаю, что бежать нам некуда.

Дима не произносит ни слова, когда я, едва переобувшись, с Милой на руках, выхожу из дома в сопровождении четырёх амбалов.

В голове у меня одна мысль: "Только бы не забрали Милу".

5 лет назад

– Эй, просыпайся.

Голос Андрея разносится по комнате, несмотря на то, что говорит он негромко. Мне совсем не хочется открывать глаза. Хочется только лежать так вечно и чувствовать тепло тела Андрея рядом. От него всегда пышет жаром...

Сейчас мы лежим в одной постели. На мне из одежды – резинка для волос, на нём – подвеска в виде чёрного волка, которую он никогда не снимает. Она сделана из камня и часто впивается мне в кожу, но это уже настолько привычно, что я хочу и боль из-за неё чувствовать всегда.

Жаль, этой мечте никогда не сбыться.

– Юля, вставай, ты сама просила тебя разбудить.

Да, я его просила. Сегодня ночью мне нельзя было оста-

ваться вне дома, но я сделала это, чтобы ещё немного продлить свою агонию. Чтобы почувствовать его рядом ещё раз, чтобы ещё раз он взял меня...

Руки парня уже проникают под одеяло и начинают привычно гладить моё тело. Ему не нужно сильно стараться, чтобы я завелась, одного его присутствия рядом достаточно.

Не открывая глаз, я тянусь к нему, руками зарываюсь в его взлохмаченные после сна волосы. Быстро нахожу его губы и впиваюсь в них злым поцелуем. Почему я такая, он не понимает, но включается в "игру". Он не знает, что всё это с нами случается в последний раз... И не узнает, пока я не стану чужой женой, когда уже поздно будет что-то менять.

Я не забочусь о защите, Андрей же всегда безбашен в своей страсти, если ему не напомнить, то всё случится без всяких... условностей. В голове мелькает мысль о том, что я совершаю ошибку, но я гоню её подальше и отдаюсь процессу полностью.

Глаза всё же открываю, после чего беру верх над парнем. Заставляю его лечь на спину, и он, глядя на меня безумными глазами, подчиняется. Я не отвожу своего взгляда от его лица, стараясь запомнить каждую деталь на всю жизнь. Вбираю его образ в себя так же тщательно, как член, на который насаживаюсь без всяких предисловий. Наш секс сейчас и правда можно назвать сумасшедшим, мы хватаемся друг за друга до боли, Андрей хотя и не понимает умом, что нас ждёт, но разделяет мои эмоции полностью.

Каждое его проникновение в меня отдаётся сладостью во всём теле, и кажется, что мне даже больно оттого, как хорошо.

Он кончает в меня, и я, понимая, какую дурость совершила, получаю свой взрыв удовольствия.

– Чёрт, Юль, ты – нечто, – Андрей широко улыбается, его глаза светятся восторгом. – И какого хрена ты всем нужна? – он заставляет меня лечь на свою грудь, и я чувствую, что он всё ещё не может отдышаться. – Было бы можно, я бы никогда от тебя не отходил...

Моя душа от этих слов разлетается на части. Я отворачиваю своё лицо, обнимаю его крепко-крепко, но не плачу. Он не должен ничего понять, а будут расспросы – я признаюсь. Но я не хочу дебильного расставания с уговорами и ссорой. Я хочу просто исчезнуть из его жизни, да, эгоистично, но мне хочется запомнить его влюблённым в меня по уши, а не злым, как чёрт, и кричащим, что я сука.

– Я тоже не хочу никуда уходить, но надо, – я заставляю себя оторваться от него и смотрю на время. – Блин, всё, я пошла собираться.

Скатываюсь с него в сторону, встаю и бегу в ванную. Быстро принимаю душ, одеваюсь и возвращаюсь в комнату. Смотрю на лицо расслабленного Андрея в последний раз, даже не разглядываю его обнажённое тело. Это длится считанные секунды, потому что я нахожу в себе силы взять рюкзак, телефон и уйти в коридор, кинув напоследок:

– Не пиши мне сегодня, ладно? Я весь день буду с мамой, её это бесит, опять закатит истерику, – стараюсь говорить это беззаботно, а не приглушённо, потому что слёзы уже едва удаётся сдерживать.

– Меня такие просьбы тоже бесят, – ожидаемо выдаёт Андрей. – Нам надо решить этот вопрос как-то, причём очень скоро, потому что моё терпение вот-вот подойдёт к концу...

Это окончательно добивает меня, поэтому я обуваюсь, говорю:

– Люблю. Пока.

...и пулей вылетаю из квартиры.

Рыдаю уже в такси, где рычу на водителя, который пытается меня успокоить.

Глава 2. Юля

настоящее время

Перешагиваю порог дома, пропуская мимо ушей кучу вопросов, которые задаёт Мила.

Почему я подчиняюсь? Потому что Дима явно не намерен что-либо делать, и да и бесполезно бороться мне с четырьмя громадными мужиками. Боюсь навредить дочке, боюсь, что ей могут навредить они, а так она даже не очень напугана. Может быть, Дима, оставшись один, вызовет полицию? Если он вёл какие-то дела с Андреем, то может знать, куда нас везут...

Оборачиваться страшно, но судя по звукам и голосам, вышли вместе с нами только подручные Андрея, а сам он остался в доме. Чёрт, как бы я ни желала избавиться от своего мужа, смерти ему я не хочу. Надеюсь, Андрей на это не способен. Или он слишком изменился за то время, что мы не виделись?

– Садитесь в машину, – один из незнакомцев открывает передо мной дверь и ждёт, когда я сама заберусь туда. Руки вот-вот отвалятся, потому что Мила в свои четыре года хотя и является миниатюрной девочкой, всё равно достаточно тяжёлая, чтобы долго держать её на руках так долго.

У меня на ногах домашние тапочки, дочка босая. Бежать я не могу, но всё равно садиться в машину страшно. Мне не

грубят, и никто даже не показывает признаков раздражения, но всё-таки я понимаю, что это может быть только для того, чтобы не привлечь внимания соседей, например.

— Куда мы едем? — голос дрожит от страха и холода, но я всё равно пытаюсь создать впечатление того, что я не на грани истерики.

— Не беспокойтесь, вы просто погостите у нас, пока ваш муж... — мужик усмехается, но едва заметно: — ...не выполнит нашу просьбу.

Я ему не верю, и не верю, что Дима сможет "выполнить их просьбу", но всё же киваю и сажусь в машину.

В машине тепло, но мы пока никуда не едем. Ждём чего-то. Хотя нет: кого-то. И этот кто-то — Андрей.

Он всё не выходит, и я боюсь за Диму. Мила у меня на коленях притихла. В машине темно, я смогла рассмотреть её личико: глаза закрыты, рот приоткрыт, значит, она уснула. Так лучше, и я надеюсь, она проспит до того момента, как мы приедем куда-либо.

Через боковое окно почти ничего не видно, но чуть повернув голову, я вижу крыльцо дома через лобовое стекло. Когда там появляется тёмная фигура мужчины, которая точно является Андреем, я вздрагиваю. Он двигается как-то странно: одновременно резко, дёрганно, но и плавно. И очень быстро, но это всё я списываю на стресс: зрение хорошим у меня никогда не было, а сейчас, наверное, и совсем всё плохо, раз перед глазами всё плывёт.

Андрей не останавливается и не обращает внимания на своих людей, он просто идёт к машине. Открывает дверь возле нас. Он смотри на меня, и мне кажется, что его глаза светятся жёлтым... И правда, со зрением беда.

– Садись посередине, – сухо командует, и я просто подчиняюсь.

Мне жутко неудобно, с трудом, но я всё-таки выполняю его приказ. От моих телодвижений Мила начинает просыпаться, но я замираю, и она затихает, вот только вытягивает ноги и сползает чуть ниже. Она мелкая, но, чтобы сесть рядом с нами, Андрею приходится приподнять её ступни, которые в сравнение с его громадной лапой смотрятся игрушечными.

Его руки не были настолько большими, это-то я помню точно...

Отмахиваюсь от посторонней мысли, отворачиваюсь, потому что тут же плечом чувствую плечо Андрея, которому из-за его габаритов приходится втискиваться в салон. Хорошо, что это внедорожник, а не какой-нибудь седан, он бы банально сюда не влез, и нам пришлось бы ехать в багажнике.

С другой стороны, садиться тот вежливый парень без куртки, остальные двое рассаживаются впереди.

Ни слова не произносится, когда машина трогается с места. Я вглядываюсь в окна дома и понимаю, что... рада отсюда уехать?

Да, я всегда мечтала вырваться из этой клетки, но не та-

ким же способом. Моя новая клетка будет ещё хуже, и я не буду уверена в безопасности своего ребёнка.

Мила всегда спит беспокойно, из-за этого у её кровати до сих пор есть бортики, чтобы во сне она не скатилась на пол. Мы едем всего минут двадцать, но она уже выбралась из куртки, которую пришлось спихнуть тому мужчине, который сидел слева. Не знаю, его ли это куртка, на самом деле мне плевать. Не плевать мне на то, что в своих дёрганьях Мила уже отползла ниже, и теперь пятками она колотит ногу Андрея, который вроде бы не обращает на это никакого внимания, но я боюсь, что очередной пинок может стать последним, и он разозлится.

Я видела его злость тогда, пять лет назад, она не была направлена на меня, но всё же я пугаюсь. Новый Андрей выглядит более устрашающим, и его гнев, наверное, может довести до разрыва сердца.

Проверять мне не хочется, поэтому я прижимаю Милу к себе, заставляя её согнуть ноги в коленях так, чтобы она не задевала нашего "соседа".

Дочка затихает, а через несколько мгновений я слышу:
– Она мне не мешает, – голос ровный и отстранённый. – И я не собираюсь вредить ей.

Он делает акцент на последнем слове. Что ж, значит, я тут не в безопасности точно... Я на это и не рассчитывала, но вот призрачная надежда на то, что мою дочь не станут трогать, заставляет едва заметно выдохнуть.

Набираюсь смелости и пытаюсь прояснить то, о чём я думаю:

– Я не знаю, что ты не поделил с моим мужем, – отчётливо слышу, как Андрей сжимает кулаки: от этого его движения в тишине салона разносится хруст. – Я ничего не знаю о его делах, и не думаю, что я для него слишком ценна... И дочь тоже, – последняя фраза – ложь.

Диме на меня правда плевать, но вот на Милу нет. Он беспокоится о её здоровье, проводит с ней время и старается сделать так, чтобы она его любила. Учítывая, что часто он бывает в очень долгих командировках, получается у него не идеально, но всё же плохим отцом его не назвать. Вот только врагам Димы об этом лучше не знать, пусть они думают, что Мила мужу не нужна, тогда и они сами не станут обращать на неё внимание.

– Я не собираюсь ничего с тобой обсуждать. Не трясись особо, пытать вас никто не станет, но не думай, что сейчас я передумаю, расскаюсь и тебя подвезут до дома, Андрей, наконец, поворачивается в мою сторону, и я понимаю, что мои галлюцинации никуда не делись: его жёлтые глаза всё ещё кажутся мне сверкающими.

– Я-я... и не думала, – всё, что у меня получается из себя выдавить, прежде чем я отворачиваюсь и закрываю глаза.

Чёрт, ещё мне не хватало с ума сойти! Вот это точно будет сейчас совсем некстати.

Мы едем уже так долго, но я всё не осмеливаюсь спросить,

сколько ещё будет продолжаться дорога. Водитель не превышает скорость и соблюдает правила езды, он и не думает, что за нами может кто-то гнаться. И правда, никаких признаков полиции нет...

Впрочем, Андрей ведь не просто так оставался какое-то время в доме, когда мы уже вышли: он мог и напугать Диму, и сделать ему что-то. И правда, я только сейчас думаю о том, что муж мог пострадать. Жена из меня так себе, видимо. Хотя я никогда этого и не отрицала, так что муки совести у меня даже не промелькивают.

Мысли устают крутиться в голове, и мне хочется спать, я даже зеваю. Этим я обращаю на себя внимание Андрея снова. Он ничего не говорит, только смотрит на меня, это я замечаю боковым зрением, потому что сама делаю вид, будто внимательно смотрю вперёд.

Мила продолжает иногда вертеться, но больше Андрею её пинков не достаётся. Несмотря на его слова, мне не хочется проверять, говорил ли он правду, поэтому я стараюсь держаться от него подальше... Насколько это вообще возможно, сидя вплотную.

– Вы останетесь в доме одни, там есть всё необходимое, – просверлив меня взглядом несколько минут, Андрей, наконец, говорит что-то. – Вокруг охрана, если что – обратился к ним. Это на крайний случай. В остальном, просто не высывайся, – его голосом можно реки замораживать, но мне в этот момент совсем безразлично, что он там ко мне чувству-

ет. "Зачем ему всё это?" и прочие вопросы без ответов меня не интересуют, я буду думать об этом как-нибудь потом.

С основной дороги машина сворачивает на просёлочную, и мы ещё какое-то время едем прямо, пока не утыкаемся в ворота. Они открываются, и я понимаю, что мы заехали в какой-то коттеджный посёлок, достаточно большой, похоже. Но мы не останавливаемся возле обычных домов, а проезжаем сквозь весь посёлок и оказываемся на самом отшибе.

Дом, в котором мы, похоже, останемся, выглядит скромнее, чем большинство других, но он не похож на лачугу или темницу. Если мы не окажется в подвале этого милого строения, то всё не так уж и страшно.

– Выходи, – бросает мне Андрей, прежде чем сам покидает салон машины. Следом за ним и его подчинённые тоже выходят на улицу.

Из-за хлопков дверей Мила просыпается, но не успевает проморгаться и начать задавать вопросы до того, как я вместе с ней кое-как выползаю наружу.

Поставить её на землю я не могу, потому что она совсем босая. Мои домашние тапки тоже не по сезону, и я молюсь на тротуарную плитку, на которой не скольжу. Если я выйду на утоптаный снег, то и шага сделать не смогу...

К счастью, и во дворе дома всё вычищено, и хотя бы такие банальные проблемы меня не преследуют. Я очень быстро оказываюсь у двери дома, потому что Мила сейчас без куртки, да я сама сразу же ужасно замёрзла, стоило мне оказать-

ся на улице.

Андрей открывает дверь ключом, который извлекает из кармана. Он что, заранее всё планировал? Ну, да, наверное, людей не похищают без плана, он, скорее всего, хотел забрать кого-то из близких Димы, чтобы его напугать. Не знаю, насколько напуган муж, а я в таком ужасе, что даже трястись от холода мне страшно.

Никто ничего не говорит, как и прежде, но я без лишних приказов шагаю внутрь дома. Дверь за моей спиной тут же закрывается, и я слышу, как поворачивается ключ в замке.

Вот теперь я в настоящей клетке.

Глава 3. Юля

– Мамочка, а почему мы здесь? – Мила задаёт этот вопрос, одновременно "обходя владения".

Она с любопытство рассматривает все уголки небольшого дома, а я пытаюсь не сорваться в истерику. Дочь сейчас явно не напугана, и если я правильно себя поведу, то лишних травм можно будет избежать. Нужно только найти в себе силы на это "правильно".

Впрочем, мне ли привыкать? Моё мнение никогда не волнует окружающих, так что особых отличий между моей жизнью и этой ситуацией нет, а значит и повода для волнений тоже.

С этой жизнеутверждающей мыслью я делаю из коридора шаг вперёд и тоже начинаю осматриваться.

Гостиная не сравнится с той, что у нас дома, но для двоих человек её достаточно, даже есть место для того, чтобы Мила могла побегать. Напротив большого и мягкого на вид дивана висит большой телевизор. Если тут есть канал с мультфильмами, то мы спасены... Мила, конечно, мультики любит смотреть по заказу, но я сомневаюсь, что нам дадут доступ к Интернету, так что надеяться приходится только на "Карусель" или вроде того.

Из гостиной есть три выхода-входа: в коридор, в другой коридор и на кухню. Я первым делом отправляюсь к холо-

дильнику. Он двухдверный, и, открыв его, я обнаруживаю, что он битком набит. Овощи, фрукты, молоко, йогурты... Замечательно, голодом нас хотя бы морить не собираются. В морозилке нахожу мясо, мороженое, замороженные овощи и одинокую пачку пельменей. Им-то я и радуюсь больше всего.

Найдя кастрюлю после недолгого рысканья по шкафчикам, я кое-как разбираюсь с газовой плитой и ставлю воду на огонь. На улице уже становится светло, а значит настало уже конкретное утро: в наших широтах зимой светает поздно, сейчас уже, похоже, часов восемь утра.

Вода закипает быстро, я вовремя вспоминаю, что её не посолила. Правда, соль я так и не нахожу, так что пельмени, похоже, есть мы будем пресные. Но сейчас главное покормить Милу хоть чем-то и привести мысли в порядок. Вряд ли у меня конечно выйдет сделать это в полной мере, но хотя бы как-то...

На самом деле, я чувствую себя как в тумане. Действия механические, я выполняю функции, а сама будто бы сплю. Во мне не спит только мать, для которой важно, чтобы ребёнок был накормлен и не пострадал морально из-за этой ситуации. Физически, конечно, тоже, но на это я повлиять никак не могу.

Да и не похоже, чтобы нас действительно пытались запереть в подвале и пытаться. Хотя, всё может измениться со временем. Может, для "мотивации" Димы потом решат применить и иные методы. Андрей сейчас похож на человека, ко-

торый, в принципе, может почти всё. В смысле, всё плохое. Он не напоминает мне того парня, которого я оставила пять лет назад.

Пельмени хороши и без соли. Пока я их варила, Мила была увлечена прогулками по комнатам. На самом деле, дом оказался не таким уж и маленьким, просто он не квадратный, а сильно вытянутый и одноэтажный. У меня нет времени на подробную экскурсию, но я замечаю, что в конце коридора есть ещё одна гостиная, которая кажется побольше той, которая на входе.

После того как мы поели, я понимаю, что не знаю, что мне делать. Тут не нужно организовывать какой-то быт, у меня нет никаких дел...

Мою посуду в раковине, потому что разбираться с посудомойкой не хочется совсем, тем более, ради двух тарелок и практически чистой кастрюли.

— Ма-а-ам, а ты обещала, что мы сегодня поедем гулять, — Мила начинает канючить, и я смутно вспоминаю, что и правда, я вчера ей это говорила. Вот только "вчера" теперь ощущается как "год назад".

— Мила, я вчера не знала, что нам тут придётся побыть, — я судорожно пыталась придумать какую-нибудь ерунду, чтобы успокоить дочь. — Папа очень занят, ему надо уехать из-за работы, а ночью мы узнали, что дом надо будет ремонтировать, там сломался туалет.

Технические подробности ребёнка, к счастью, не волно-

вали:

– А долго мы тут будем? – она не выглядела сильно встревоженной, и я даже выдыхаю облегчённо. Похоже, хотя бы об этом мне волноваться не придётся.

– Я не знаю, папа нам позвонит, когда можно будет вернуться домой, – Давай мы с тобой сейчас дом осмотрим, а потом включим телевизор, вдруг там мультики есть?

Мила мою идею поддержала, и мы пошли смотреть, что тут и как. Вторая гостинная и правда имелаась, но она была скорее библиотекой. Посреди комнаты лежал ковёр, одна стена почти полностью была занята окном, а остальные свободные стены были заняты стеллажами до самого потолка. Зрение моё оставляло желать лучшего, поэтому, чтобы прочитать названия книг, мне пришлось ближе подойти к полкам.

Никакой логики в расставлении книг не было. Рядом стояли разные жанры, авторы разных стран и даже книги на разных языках. Я с трудом опознала немецкий, английский и даже корейский язык, тут же стояли энциклопедии и какие-то подростковые фэнтезийные книги... Не знаю, чья это библиотека, но этот человек либо просто коллекционирует книги, либо имеет кругозор настолько широкий, что фантазии едва хватает.

– Ма-а-ам, смотри, – Мила стояла возле окна, которое было закрыто шторой. Её она немного отодвинула и теперь смотрела куда-то за окно.

Подойдя ближе, я обнаружила, что окно, по сути, является ещё и дверью на задний двор. Сейчас он был засыпан снегом, но я смогла разглядеть провалины, будто кто-то ходил по сугробам, а потом сверху ещё снег напал, но скрыл следы не полностью. Странно... Следы вели к лесу, либо от леса, и мне это не нравилось.

А вот лес оказался действительно красивым, деревья ровные и здоровые, будто кто-то за ними ухаживал, никаких коряг... Но они, может, подальше от дома будут, тут, наверное, что-то вроде парка. И, надеюсь, звери тут не водятся.

Милу из этой гостиной я увела, не нравится мне такой небезопасный выход. До ручки двери, которая похожа на балконную, она дотянется, особенно если умудрится притащить стул. Ещё и следы эти, ну их. Мало мне светящихся глюков и вполне реальных событий?

А может, мне снится всё это? Очень уж реально, красочно так, но мало ли? Ещё, говорят, у шизофреников очень яркие сны, которые выглядят реальнее реальности. Наверное, я просто чокнулась.

Но всё намекало на то, что я нахожусь в реальности, проснуться не получалось никак.

Спальни в доме оказалось две, ту, что побольше я отдала Миле. Там была и кровать большая, был шанс, что с неё она не скатится. Канал с мультиками тоже нашёлся достаточно быстро. Оставив дочку у телевизора, я ушла на кухню, чтобы

собрать мысли в кучу. Хотя, сейчас это было не очень возможно, но я пыталась.

Если бы я была одна, без ребенка, то я бы кричала, боролась, требовала объяснений, что-то выдумывала. Но будучи матерью я боюсь навредить ребёнку неосторожным движением.

Да и борьба против Андрея... Он всегда был упёртым настолько, что даже никто и никогда не мог его переубедить, а теперь наверное всн стало ещё хуже. На жалость ему давить тоже бесполезно, да и не умею я это качественно делать.

И вообще, мы не должны попадаться ему на глаза. Мне кажется, что если он будет часто видеть Милу, то ему может прийти в голову мысль о том, что она его дочь. А это самое страшное. Я уверена, что Андрей не забудет на своего ребёнка, а значит, он нас никогда не отпустит... Ещё хуже, если он решит, что Миле без меня будет лучше.

Так до вечера я и сидела на кухне, иногда вставая, чтобы сделать нам с Милой бутерброды. Дочке я ещё грела молоко и дала карамельки, которые нашла в шкафу. Не все, конечно, несколько штук только, но этого хватило, чтобы ребёнок был безмерно счастлив.

У нас оказалась лишь одна проблема: отсутствие вещей. На мне была домашняя одежда, на Миле тоже, и в этом не было проблем, вот только всё это было в единственном числе. Сменных комплектов не оказалось, так что в итоге Мила час просидела без одежды, закутавшись в одеяло, пока я ещё

вещи стирала и сушила с помощью полотенца и утюга. Не знаю даже, откуда этот способ пришёл мне в голову, но других вариантов не было. Как там добраться до этой охраны, чтобы нам принесли хотя бы какие-то вещи? Нас же закрыли снаружи.

На удивление, Мила уснула быстро, когда я её одевала, она уже клевала носом. Обычно, сон – та ещё эпопея, но видимо сегодня она не выпалась и устала, так что я осталась со своими мыслями совсем наедине. Не знаю, хорошо это или плохо, но факт. В голове варилась какая-то жижа, которую даже кашей сложно назвать, и в этой жиже плавали мысли обо всём на свете: о моём браке, о дочке, об Андрее, о том, чем ему мог Дима насолить.

Наверное, я бы так и сидела всю ночь на диване с зале, но услышала, как в двери поворачивается ключ.

Подскочив на ноги, я помчалась в коридор, чтобы никто точно шумом не разбудил дочь.

Глава 4. Андрей

К вечеру я становлюсь похожим на человека. Уши, хвост, когти и зубы уже не стремятся вылезть наружу, поэтому я беру пакеты, которые приготовила Лана для наших "гостей" и иду к дому, где оставил Юлю и её дочку.

Очень долго, на протяжении нескольких лет, я даже лицо её едва вспомнить мог. Ритуал, который вернул меня, практически стёр те годы, которые я провёл без половины своей сущности, меня почти перестали волновать друзья и вообще все, кого я знал. И Юля с её предательством меня тоже не интересовала.

Так я думал.

Теперь же я её вспомнил, и почему-то испытал охренеть какую сильную злость, когда понял, что она – жена мудака, который посмел покуситься моё. Решил забрать Око... Ну-ну.

Судя по тому, какого возраста их ребёнок, именно за него Юля выскочила замуж сразу после того, как слезла с моего члена. Не знаю, какие у неё были мотивы, но сегодня утром я испытал лишь отголосок ярости, которая накрывала меня пять лет назад, когда я узнал, что она сделала, а я уже едва не потерял контроль.

Им повезло, что тогда во мне почти не было инстинктов.

Поворачиваю ключ в дверном замке, и хочу уже войти в

дом, но вдруг понимаю, что там сейчас находятся чужие люди. Да, Юля мне почти противна, но это не отменяет того, что она женщина, там её ребёнок...

Она не чувствует себя в безопасности точно, не верит мне. Плевать, на самом деле. Оставь я её с её идиотом, то те, кто добрался бы до них после меня, в назидание не отняли бы у Димасика семью, а убили бы кого-то из них. Я оказал ей услугу, но сообщать об этом точно не собираюсь. Пусть чувствует себя загнанной в угол, пострадать ей может быть полезно, если она конечно умеет страдать.

Понимаю, что задумался. Стучу в дверь и практически сразу слышу тихое: "В-входите".

Она не ожидает меня увидеть. Я привык к том, что мои соплеменники по звуку шагов и запаху сразу определяют, кто находится рядом с ними, а она – просто человек.

Её дочь спит, я это понимаю сразу же, как открываю дверь, поэтому веду себя максимально бесшумно. Для человека, наверное, мои движения кажутся беззвучными.

– Я принёс вещи, – без приветствий подаю ей пакеты. Она не торопится его брать, смотрит на меня с подозрением.

Я молча ставлю "подарки" на пол и собираюсь уже уходить, но вдруг решаю задать совершенно тупой вопрос:

– Ты... вы нормально устроились?

Сам не понимаю, правда ли меня это интересует, но уйти, не услышав ответ, будет совсем плохо.

– Конечно, всё прекрасно. Я рассчитывала на подвал, –

она невесело усмехается. – А тут плен класса люкс.

Хочется сказать ей, что альтернативой была бы могила класса совсем не люкс, но я оставляю это при себе.

– У нас нет подвалов, пришлось оставить вас здесь. Скоро парни выкопают землянку, запрём тебя там, – если я скажу "вас", то где-нибудь с другого края посёлка это услышит мать моя и примчится разбираться, кто тут ребёнка собрался запереть в землянке.

– Отлично, нужно вспомнить всё, что я знаю о топке печей, – Юлия совершенно серьёзна, мне даже кажется, что она не поняла сарказм. Скорее всего, я перегнул, но мне теперь извиняться что ли? Хер там, пусть поплачет.

– Поищи в библиотеке, в какой-нибудь энциклопедии может найтись информация, – вместо того, чтобы сказать ей, что я не собираюсь держать её и её дочь в плену, я просто кладу ключ на тумбочку у входа и говорю: – Лучше пользуйся большим ключом. И если кто-то будет спрашивать, кто ты, то просто скажи, что ты – моя подруга из универа. За пределы посёлка тебя не выпустят, даже не пытайся уйти, это небезопасно.

И, чтобы не ляпнуть что-то ещё, я просто вышел из дома, не глядя на то, как отреагировала Юлия.

На самом деле, посёлок – это такое своеобразное прикрытие. Да, в основном тут живут оборотни из моей стаи, есть несколько семей из "непризнанных", но тут быают и непо-

свящённые люди. Закрытая деревня находится за лесом и попасть туда человеку без помощи оборотня будет практически нереально. И даже если человек доберётся до стен деревни, то просто решит, что это охраняемый военный объект, потому что внутрь попасть будет ещё сложнее, чем оказаться у ворот.

Так что выпускал Юлю на улицу я без проблем, из посёлка её и правда не выпустят, в посёлок тоже никто не проникнет. Резона нет делать из неё пленницу, даже если и подмывало немного отомстить. Но мстить женщине с ребёнком за то, что когда-то она предпочла другого – это даже не мелочно, это просто убого, я сам себя потом не прощу за такое.

Бродя пешком, я и не заметил, как дошёл до дома, где предпочитала жить мама. В деревне ей не очень нравилось, она курсировала между городом и "дачей" здесь.

Войти придётся, потому что она точно заметит, что я тут был: у ведьм нет такого обоняния как у оборотней, но их "чуйка" находится в каком-то ином измерении, ведьму не понять, не будучи ведьмой, грубо говоря.

Но ныть матери о том, что у девушки, которая меня бросила пять лет назад, и которую всё это время я почти не помнил, потому что тогда, до ритуала, который свершился четыре года назад, я и не был собой в полной мере, есть муж и ребёнок, я не собираюсь. Значит, придётся корчить из себя всемоудрого

Альфу. Что ж, хотя бы буду привыкать, за прошедший

год я чувствовал себя загнанной псиной, дохлым шакалом и много кем ещё, но никак не сильным зверем, важаком влиятельной стаи. Но в последнее время эта роль становится необходима всё чаще и чаще.

— О, чего это ты пожаловал? — выглядывает мама из кухни, когда я вхожу в дом. Дверь она никогда не закрывает, ей лень об этом думать. Какой идиот осмелится напасть на ведьму? Такие конечно есть, но их кра-а-айне мало, и их количество постоянно сокращается.

— Новостями буду делиться, — бурчу, идя на запах чего-то съестного. — О, пирог.

— Ну, раз новостями, то можешь есть пирог, — "разрешает" мать после того, как я быстро ополаскиваю руки.

Рассказываю ей "официальную" версию о том, что Юля — жена Димасика, и оставить женщину с ребёнком в месте, где одну из них или даже обеих могут вот-вот прикончить, я не смог.

— Какой же ты у меня благородный, — мама прищуривается, и я понимаю, что сейчас из меня будут выуживать подробности. — А сюда ты её притащил для чего, а? В этом ведь нет никакой необходимости, мог отправить её куда угодно, у нас уйма безопасных мест, — и правда, я могу её отправить даже в другую страну, и охранять её там будут ничуть не хуже. Да я банально могу напрямую связаться с теми, кто может желать отомстить Диме и сказать, что Юля и её дочь — под моей защитой, после этого достаточно будет отправить

её в другой город и забыть. Но нет, я её привёз сюда, и даже сам себе не признаюсь, что желаю держать её рядом.

– Просто притащил, мы ехали сюда, мне некогда было думать, – после этого я затыкаю себе рот куском рыбного пирога. – М-, вкусно, – мычу с набитым ртом, чтобы перевести тему.

И да, миссия "Изобразить Альфу перед мамой" провалена.

– Жуй давай, вajak, блин, – машет на меня рукой мама и тоже принимается за пирог.

На следующий день я продолжаю решать проблемы, которые создал ублюдок Дима. Он мне никогда не нравился, но Афанасию, старому альфе одной из стай нашей области, Дима нравился. Он был внуком старого приятеля альфы, проверенный парень, ага.

– Может, просто его убить? – Миша – самый молодой из тех, кого я сделал сотрудником своей собственной мини-спецслужбы. Из-за неопытности он готов идти напролом, считая такой способ самым надёжным из всех. Иногда мне хочется с ним согласиться, но я не позволяю себе действовать импульсивно. Только расчёт всех действий может привести нас к успеху, а я, как альфа стаи, должен продумывать всё особенно тщательно.

– Себя убей, идиот, – бурчит Нина – наши "мозги". – Если он камень закопал где-нибудь на дне реки, кто, кроме него

об этом знает, а? Надо ждать и следить незаметно, Саня уже это обеспечил, – это уже отчёт начался. – Мы связались с Афанасием Гавриловичем, призвали его довериться нашему плану, тем более что у них план один, – она закатывает глаза. – Может, Михаил, уйдёшь к ним в стаю? Будешь даже не самым глупым...

Отношения Миши и Нины похожи на грызню старшей сестры и младшего брата, хотя они совсем не родня.

– Сама вали, самая умная будешь, – огрызается Миша и складывает руки на груди.

– Пф, я и тут самая умная...

– Так, хватит уже, – мне представление конечно нравится, но делу эти перепалки не помогают. – Слежку не прекращаем, если за неделю он не выведет нас на Око или сам его не притащит, то будем разговаривать уже.

"Разговаривать" будем с применением всяческих калечащих аргументов. Не мы такие, жизнь такая... Мне не нравятся такие методы, но зелье правды ещё не изобрели, так что приходится использовать его менее гуманные аналоги.

– Нихрена он сам не притащит, он из дома ещё даже не выходил, но звонил на работу, сказал, что жена и дочка заболели, не может оставить их одних, – все смеются, но меня этот бред злит. А вот если бы я был не таким белым и пушистым волчком? Афанасий, например – жестокий ублюдок, он вполне мог прикончить и Юлю, и девочку, причём своими же руками. Откуда мудозвон Дима знает, что я не такой?

То есть, ему этот сраный камень дороже семьи, что ли? Дима практически что человек – ему Око бесполезно, он только продать его может, но что, ему нужны какие-то сраные бумажки настолько, что жизнь семьи – пшик?

Тряхнув головой, я выплываю из своего морализаторского мысленного монолога.

– Короче, наблюдайте, а мне ещё встречаться с Владом сегодня, – при упоминании последнего у всех становятся такие лица, будто им хвосты прищемили.

Да, Влад – так себе приятный парень, но, лучше уж он, чем старый пень, из-за которого мы Око прое... просрали.

Выходя из дома Нины, который мы периодически оккупируем под свои дела, я мимолётом бросаю взгляд в конец улицы, надеясь кого-то там увидеть. Но улица бела и пустынна, как ей и положено, так что я только даю себе ментальный подзатыльник. Нахрен Юлю, мы это уже проходили, наступать на грабли второй раз я не собираюсь. Разберёмся с Оком и пусть выметается на все четыре стороны. Уверен, она не пропадёт даже без мужа, плохо помню её родителей, но кажется они не бедные, вот и вернётся вдовушкой в родное гнездо, а там и ещё какого кретина подыщет.

Глава 5. Андрей

Влад, по сути, альфа. Он давно всем доказал, что сильнее своего отца, но на поединок его не вызывает. Я ставлю на то, что гадёныш привязан к папеньке, несмотря на то, что корчит из себя невесть что, но оглашать свои умозаключения не собираюсь. У меня и так много с какими стаями отношения на грани войны, ещё с этим придурком поцапаться не хватало.

Он уже сидит за столом и в качестве приветствия лишь поднимает руку и кивает. Я ему отвечаю тем же кивком: лишние любезности нам никогда не мешали.

– Что, всё-таки проебался дед со своим протеже, да? – за словом в карман Влад не лезет, называет вещи своими именами, так что мне остаётся только согласиться с его формулировкой. – Н-да, мне конечно это Димасик не нравился, но что б такое...

Да, никто и не мог помыслить, что Дима выкрадет Око. И грохнуть его нельзя только по причине, которую уже огласила Нина: только он в курсе, где искать долбаный артефакт.

– В любом случае, сейчас его пасём, вечно он в своей конуре сидеть не станет, – я отогнал официанта жестом руки, потому что лишние уши были ни к чему, да и я сюда не позвать приехал. – Телефоны слушаем, дом тоже, где-то проколется, найдём око, а потом отдадим этого придурка Афа-

насию, тот его и пришьёт, а у нас руки будут чисты.

Влад усмехнулся. Он был жесток и не скрывал этого, но его жестокость ни разу на моей памяти не была направлена на тех, кто её не выпросил. Афанасий, или, как Влад его называл, "дед", славился тем, что мог прикопать кого-нибудь в своём лесу просто так. К своим подхалимам он был щедр, но я бы ни за что с ним на одном гектаре не стал находиться, если бы не долбанные "дипломатические связи".

– С этим понятно, да и не думаю я, что Око так важно – просто переходящее знамя, – я усмехнулся его словам, но говорить ничего не стал. Если он не в курсе, что можно сделать с помощью этого камешка, то и замечательно. Меньше знает, крепче спит. – Лучше скажи, нахрена тебе баба Димасика?

Удивлён ли я, что информация так быстро просочилась? Не очень, хотя окружение прошерстить не помешает, кто-то из стаи слил. Не секрет, но какого хера?

– А тебе нахрена эта информация? – я вскинул брови. Изливать перед этим сопляком душу я не собираюсь, пусть не съёт свой мелкий нос, куда ему не положено. – Если такой крутой нюхач, то узнай сам, зачем она мне, – кривая улыбка сама расползается по лицу.

Влад, не стесняясь, хохочет.

– Ладно, не лезу, приглянулась девка – почему бы и да, в защитника поиграешь, – а вот за это его захотелось ему треснуть, поэтому я тихо рыкнул, показывая свой настрой. На самом деле, думаю, по силе мы равны, но на моей сто-

роне злость и уйма опыта, полученная в заварушке против отцовского врага. Глотку перегрызть – не так уж и сложно, другое дело, что обстановка не располагает, да и папенька будет мстить за сыночку-корзиночку дерьма.

– Э, нет, я с тобой цапаться не буду, всё, заткнулся, – и всё-таки Влад не дурак, знает, когда надо утuhnуть. – Я что хотел сказать-то... А, в общем нездоровое шевеление в соседнем городе случилось, как раз перед тем, как мы узнали, что Димасик совсем кретин. Причём там все стаи суетились, я тут скинул некоторые... странные вещи. Один эпизод помогал замять. Удивился, конечно, но тогда я это с Оком не связал, а сейчас вот понял, что дело было в нём, – он кинул мне флешку, – Посмотришь там, я напрягся немного, собрал инфу, но сам не полезу, сразу говорю, мне эти пляски с камнем вообще никуда не упёрлись, – Влад сказал это серьёзно, и я кивнул, давая понять, что рассчитывать на него не буду. – Ну если дед совсем с ума сходить будем, маякни, мы не против ему и его шавкам надрать задницы.

Я хохотнул. М-да, кто кому там зданицы надерёт, этот говнюк слишком самоуверен. Но в любом случае, за Афанасием надо следить, он не стабилен уже, да и со своими взглядами может всех нас подставить, втянуть в масштабную войну с людьми, которую мы точно не выиграем. Против какой-нибудь ядерной бомбы любая стая бессильна, а нас, на самом деле, не так уж и много.

В России, конечно, кучно, но в других странах если од-

на-две стаи есть, уже много. Исключение, разве что, Канада: там тоже лесов немало, самое то. Хотя, наверное, ещё какие-то причины есть, почему расселение именно так произошло, но я в социологические исследования оборотней, которые существуют только в качестве фольклора, не углубляюсь.

– Окей, спасибо за информацию, если что, ты знаешь, как меня найти, – я встал из-за стола и уже собирался уйти, как услышал:

– Нет, ну всё-таки, нафига тебе баба Димасика, она ж ещё с ребёнком? – Владу всё же захотелось по ушам.

– А что, надо оставить женщину с ребёнком там, где Афанасий со своими загонами их грохнет быстрее чем самого Диму? Не ищи подтекста, я просто добрый, – взгляд мой при этом добавлял "но не со всеми". – Степень доброты, правда, проверять не советую, а то я белый и пушистый, но временами болею и могу загрызть какого-нибудь придурка.

Больше мне на эту тему ничего слушать не хотелось, поэтому я свалил как можно быстрее. Не жалею, что спас Юлю, но слушать что-то о ней и думать о ней неприятно, правда, в мыслях она крутится постоянно, не знаю даже, почему.

Возвращаться в посёлок нет желания и смысла, поэтому я просто отправляюсь в деревню. Кости ломит, потому что я давно не прогуливался в волчьем облиии, так что я решаю, что отлично будет обратиться и пробежаться по лесу. Тут на многие километры вглубь нет ничего, кроме природы, так

что беспокоиться об охотниках и просто идиотах, которые могут забрести сюда, не стоит. Со стороны трассы, конечно, иногда идут грибники, но им не пройти дальше забора, да и сейчас зима.

Но моим грандиозным планам не суждено было сбыться. стоило мне оказаться недалеко от посёлка, как тут же примчалась мама.

Ведьме не стоило никакого труда определить, что её сын находится рядом, и порой это утомляет. Увидев бешеные глаза мамы, я понял, что сейчас она скажет что-то охренеть какое неприятное, а поэтому попытался изобразить занятость:

– Давай я позже к тебе зайду, у меня дела, – мы стояли посреди дороги, никого рядом не было, и это, похоже, было одной из причин, почему мама не стеснялась ни в жестах, ни в фразах:

– Ты когда собирался мне сказать, а? Андрей, я конечно понимаю, что, мать твою, вожак стаи и всё такое, но скрывать от меня это?! – вокруг начинает кружиться ветер, поднимая снег, и я понимаю, что... Нихера я не понимаю!

– Что я опять от тебя скрыл из того, что тебя касается? – в отличии от мамы я сохраняю спокойствие, и её, похоже, это бесит ещё больше.

– Ты ещё спрашиваешь?! Ты привёз сюда своего ребёнка и промолчал, даже полслова не сказал?! – ветер уже такой, что я едва разбираю её слова, но про ребёнка слышу чётко.

– Да успокойся ты! Какого, нахер, ребёнка, нет у меня никаких детей! – я пытаюсь перекричать эту бурю в стакане. – Что ты там вообще придумала?

Вьюга немного утихает, но не исчезает совсем. Мама выглядит задумчивой, и я успеваю стряхнуть сугроб с головы.

– Ты правда не знаешь, что та девочка – твоя дочь?

– Какая девочка? У меня не может быть дочери, я альфа, только сыновья, мама, помнишь? – напоминать прописные истины приходится женщине, которая сама же мне о них сообщила. – Откуда у меня может быть дочь?

– Но та девочка точно моя внучка, – вьюга становится ещё тише. – Она может быть только твоей дочерью, – тем не менее, сомнения в голосе не слышно.

– Какая девочка-то, скажи уже?! – моего спокойствия надолго не хватает. – Несёшь чушь, ещё и не подробно.

– Девочка, которая со своей мамой живёт в твоём доме.

Вспомнив дочку Юли, я медленно осознаю, что имела в виду мама.

Глава 6. Юля

– Мама! Я хочу на улицу! – прямо с утра заявляет Мила.

У нас теперь есть вещи, причём, посмотрев на то, что нам принёс Андрей, я просто уверена, что их собирала женщина. Наверное, у него кто-то есть... И раз она этим занималась, то даже не ревнует. Видимо, отношения действительно крепкие, надо же.

Давлю зависть в зачатке, потому что права на неё не имею, и иду за верхней одеждой, которую я дочери ещё не показала.

Она любит бывать на улице, в парках – особенно. Как-то раз мы ходили в рощу, которая больше напоминает настоящий лес, и Мила была в диком восторге. Сейчас у неё за окном лес, и я уверена, что ей понравится хотя бы посмотреть на него поближе.

– Смотри, какой костюмчик, – ей он по размеру, чуть длинноваты штаны, но я немного их подгибаю и проблема решается. Главное, что подходит обувь, а то это могло стать действительно препятствием для прогулки. – Тебе нравится зелёный?

– Да! – Мила крутится у зеркала, я тем временем достаю одежду, которая предназначена для меня. Тоже зимний костюм, обувь, шарф и шапка, вот только на мне магия сломалась, штаны едва налазят и оказались длинными, куртка же наоборот болтается и рукава тоже приходится подгибать.

Ботинки обычные, но у них сразу обнаруживается недостаток: их можно только зашнуровать, замка нет, поэтому натягиваю я их с трудом. В итоге оказывается, что они мне слегка маловаты, но, вроде бы, не сильно. Не в поход же мне идти в них...

Стоит мне только открыть дверь, Мила сразу же вылетает на улицу. Я же выхожу с опаской: меня преследует дурацкое ощущение, будто Андрей всё это время простоял за дверью, и сейчас я на него наткнулся.

Это, естественно, не так: мы спокойно выходим во двор, потом и на улицу. Ничего примечательно тут не замечено, только дома, дома и ещё дома, и те друг на друга похожи, не один в один, конечно, но похоже этот посёлок строили одновременно и недавно: всё выглядело новым и даже не совсем жилым, хотя судя по припаркованным машинам, люди тут были и, похоже, в избытке.

– Ма-а-ам, я хочу на горку! – Мила уже успела пробежаться по сугробу, сделать "ангелочка" и теперь дёргает меня за рукав. – Мне нужна ледянка!

– Мила, я не знаю, где здесь горка, а ледянку мы с собой не взяли. Давай просто погуляем и вернёмся, ладно? – надеяться на благоразумие четырёхлетки было бы глупо, но мне больше не на что.

Естественно, моё предложение восторга у ребёнка не вызвало. Она сложила бровки домиком и на одной ноте затянула:

– Ма-а-ама-а, я хочу-хочу-хочу на горку!

– Мила, я сколько раз говорила, что если ты будешь себя так вести, то ты не получишь вообще ничего? – я сохраняю спокойный тон. Конечно, она испытывает стресс из-за всего происходящего, но я никогда не даю ей возможность думать, что истерикой можно чего-то добиться. – Если ты не успокоишься, нам придётся вернуться в дом, – сказать "домой" у меня язык не поворачивается. Пункт временного пребывания это, а не "домой".

– Мам, ну я на горку хочу, – уже тихо и грустно повторяет Мила. – Я ещё не была на горке! Давным-давно только была! – "давным давно" в её понимании это в прошлом году.

Мне очень хочется отвести её куда она просит, но где я ей могу горку найти в месте, где кроме домов и дороги нет ничего на многие километры? Я даже не знаю, чем тут занимаются другие дети и есть ли они тут вообще.

– Так, давай мы с тобой прогуляемся тут, вдруг и правда где-то есть площадка. Если найдём её, то останемся, но если её не будет, то ты не должна плакать, мы просто ещё походим и вернёмся, – я всё ещё сохраняю спокойствие и это работает.

Мила кивает и шмыгает носом, а я понимаю, что мы отошли от дома достаточно далеко, и уже сложно определить, в какую сторону нужно возвращаться.

Панику не развожу, потому что дом находится на отшибе, он одноэтажный и сам посёлок не такой уж и большой... Но

всё равно чувствую себя растерянно, и в районе солнечного сплетения начинает завязываться тугой узел, от которого не получается избавиться, лишь вдохами-выдохами.

Когда мы проходим метров двести, неожиданно ворота одного из домов открываются и оттуда вываливается, кажется, трое детей, но я точно в количестве не уверена, потому что они бегут кучно и непонятно, сколько ног я вообще вижу.

– Лиза! – вслед за ними со двора вылетает женщина, которая на ходу натягивает куртку, – Следи, чтобы они не убежали, а ни как в прошлый раз!

– Ладно, мам, – сама старшая девочка хватает двух мальчишек за капюшоны. – К вечеру вернёмся!

Пока длится эта сцена, я успеваю немного рассмотреть детей: старшей девочке на вид лет двенадцать, мальчишкам примерно семь и пять. Экспертиза на глаз не точная, но почему-то мне кажется важным предположить возраст.

Женщина неожиданно поворачивается и смотрит на нас. Мне немного неловко, что мы пялились на их семейную сцену, поэтому, пытаюсь сгладить это, я улыбаюсь и здороваюсь:

– Здравствуйте.

Мила, как обычно, повторяет за мной. Она не запоминает моих знакомых или знакомых Димы, поэтому просто здороваётся со всеми, с кем мы разговариваем.

– Здравствуй. Юля, правильно же? – незнакомка подходит ближе и протягивает мне руку: – Я Лана.

– Я Юля, да, – растерянно протягиваю руку, чтобы её пожали, – А вы откуда знаете?

– Вещи, – она окидывает нас взглядом, – Андрей просил, я собирала.

Видимо, я всё-таки не ошиблась. Вещи и правда собирала женщина, ведь там помимо верхней одежды были ещё всякие мелочи, о которых мужчине и в голову бы не пришло думать.

Вот только, раз Андрей её просил, значит, они... вместе? Никогда бы не подумала, что Андрей будет с женщиной, у которой есть дети, потому девочка и старший мальчик не могут быть его, но... самый маленький из детей вполне может оказаться его сыном.

Лана красивая, теперь я обращаю на это внимание. А ещё она улыбается и выглядит при этом мило, я не вижу, чтобы она ревновала или злилась. И правда, как я и думала, отношения должны быть крепкими.

– А-а, вещи, – я тоже стараюсь изобразить улыбку. – Спасибо огромное, мы так резко тут оказались, не успели ничего с собой взять, – ага, даже верхнюю одежду.

– Не за что, всё подошло? – "Её это и правда интересует!" – с удивлением отмечаю я. Ну, или она охренеть какая гениальная актриса. – Я не знала размер, руководствовалась интуицией и размерной сеткой для детей, хотя и знаю, что они часто вообще не попадают в это.

– У вас отличная интуиция, – теперь я улыбаюсь уже более

искренне. – Нам всё отлично подошло, у Милы вообще как по ней сшито, – я правда не представляла, как так можно угадать, не зная человека. Это не на глаз даже.

– Тебя Мила зовут? – Лана обращается к дочке.

Обычно она может засмущаться, но новая знакомая ей, видимо, понравилась, поэтому она даже отвечает вслух:

– Да. Мы с мамой ищем горку, – я отвлеклась на свои дурацкие взрослые мысли о том, у кого там с кем отношения, а о самом важном успела забыть!

– У нас есть тут горка недалеко, хочешь, покажу? – Лана протянула Миле руку, но та, вопросительно глядя на меня, стоит истуканом. – Ого, точно, я забыла у твоей мамы разрешения спросить.

– Мила, ты же хотела на горку, попроси тётю вежливо показать нам, куда идти, – мне не очень нравится, что Лана тянет руки к дочке, несмотря на то, что в остальном она располагает к себе, но на конфликт я нарываться не собираюсь из-за такой, по сути, мелочи.

– А вы можете проводить нас к горке, пожалуйста? – послушно произносит Мила с придыханием, явно волнуется.

– Конечно, только я сейчас накину тёплую куртку и приду, ладно?

– Нам бы не хотелось вас утруждать, просто покажите, куда идти, – на самом деле мне интересно с ней пообщаться, но с другой стороны, почему-то кажется эта идея плохой, поэтому я делаю попытку слиять.

– Мне интересно с вами пообщаться, – Лана смеётся, а я немного удивляюсь её прямолинейностью.

– Ну, если так, то мы вас подождём, – быть грубой без причины – глупо, да и страшно мне быть совсем без знакомых. Пусть это и жена или любовница Андрея, она кажется милой. А на Андрея я не претендую, так что и смысла нет с ней ругаться. Мы же цивилизованные люди и всё такое...

– Мама, а кто эта тётя? – спрашивает Мила, стоит только Лане уйти.

– Она нам передала одежду, когда узнала, что у нас её нет. Я её раньше тоже не знала, – объясняю дочке.

В душе у меня настоящий ураган, которому я не могу дать волю, даже если захочу. Он бушует настолько внутри меня, что даже на лице эти эмоции не отражаются, но в мыслях настоящий бедлам.

Лана возвращается достаточно быстро, я возвращаю на лицо доброжелательную улыбку, и мы идём туда, куда ведёт наша новая знакомая.

– Моему младшему сыну пять лет, – значит, я угадала, – А тебе сколько? – обращается Лана к Миле.

Мила гордо выпячивает ладонь и загибает большой палец, растопыривая остальные.

– Мне вот столько! – вот только в варежках никому ничего не понятно, поэтому Мила успевает стянуть варежку прежде, чем я замечаю её намерение. – Вот столько мне!

Лана смеётся, я тоже не могу не улыбнуться, на этот раз

искренно, но всё же приходится остановиться, чтобы вернуть руку дочки в варежку.

– Да ты уже большая, четыре года, скоро тебе тоже пять лет будет, да? – Лана явно знает, как разговаривать с детьми. Она не сюсюкается, но при этом фильтрует слова так, чтобы они были понятны ребёнку. Действительно, такой опыт... Не представляю даже, смогла бы я родить и воспитать троих? Для меня это что-то за гранью, мне и Мила далась очень тяжело.

– Мы уже почти пришли, – говорит Лана, а я слышу характерные для детской площадки звуки: непрекращающийся визг и крики взрослых, которые разбавляют эту какофонию.

Когда мы оказываемся на детской площадке, я порываюсь как и обычно, следить за Милой, но Лана быстро поручает её свои детям, которые, на удивление, относятся к этому наказу серьёзно. Я, конечно, не перестаю наблюдать за зелёным костюмчиком, но вижу, что оба мальчика и старшая девочка опекают Милу очень и очень рьяно.

– Какие дети ответственные, – удивляюсь я вслух, даже не думая, что Лана в этом визге вообще услышит то, что я сказала.

Но она слышит:

– Они не самые маленькие в семье и в окружении, привыкли присматривать за младшими. Мила подрастёт и тоже привыкнет, – Лана говорит так, будто уверена, что подросшую Милу увидит.

Я пожимаю плечами.

– Не знаю, я второго ребёнка не очень хочу, а среди родни и друзей ни у кого детей маленьких нет и не предвидится, – отвечаю честно. Правда, странно как-то говорить о родственниках и "друзьях", не зная, увижу ли я их вообще когда-то. И не то чтобы мне хочется их видеть, просто состояние такое неприземлённое, что даже позиционировать себя как-либо сложно.

– Ну, сегодня не очень хочешь, завтра очень захочешь, от мужчины же ещё зависит, – Лана смеётся и подмигивает мне, а мне очередная улыбка даётся с ужасным трудом, потому что я понимаю: её мужчина от которого ей хочется детей или она, возможно, уже родила от него, – это Андрей. То ли видя мою невесёлость, то ли думая о чем-то своём, Лана становится более серьёзной и добавляет: – Но, конечно, если не хочешь, то не надо. Плохо, когда дети появляются не по твоей воле.

– Плохо, – соглашаюсь я. Как с этим не согласиться? – Надеюсь, мне не придётся с этим столкнуться, – говорю и стараюсь не думать о том, что Мила рождена тоже не от большого моего желания стать матерью, а потому что "надо". К счастью, Диме не сильно нужен был "наследник" и второй ребёнок в принципе, его и Мила устраивала. Хотя от не против был, чтобы родился сын, а вот я не хотела.

– А пойдёте к нам в гости? Что вам дома сидеть, Мила, вон, похоже с моими неплохо ладит, – я смотрю на то, как

дочка Ланы кружит Милу на руках вокруг себя и понимаю, что Лана права. Вот только...

– А ваш муж не будет против? – я намеренно не произношу имя, чтобы голос не дрогнул.

– Муж? Мой? – женщина вскидывает брови. – Нет у меня никакого мужа, фу ты, ну ты, – она картинно морщится. – Так что, пойдёте?

Я, стараясь не выдать своего замешательства, киваю. То есть, мужем она Андрея не считает, раз реакция такая? Или она вообще не его женщина?

Сердце в надежде замирает, и я ничего не могу с этим поделать.

Глава 7. Андрей

– То есть, ты хочешь сказать, что дочь Юли – моя дочь? – повторяю вслух вывод, который я сделал мысленно.

– Да, ту девушку, кажется Юля зовут, Лана говорила, – мама кивает серьёзно. Она у меня конечно не без странностей, как ведьме и положено. Но за такими дебильными шутками не замечена.

Значит, она не шутит.

– Судя по тому, что ты перестал орать, теоретически, у тебя может быть ребёнок от Юли? – аккуратно уточняет мама.

Я киваю.

– Не знаю, сколько лет девочке, но мы с Юлей спали, да. До обряда, – я абстрактно махнул рукой, обозначая время, когда это всё было. – Ты знаешь, я не совсем как свои воспринимаю те воспоминания, но всё-таки решил её спасти... Афанасий бы убил её, как только смог бы, потому что её мужу хватило тупости украсть Око.

Мама кивает. Око её не волнует...

– Юля была моей девушкой, а потом внезапно пропала, и когда я отыскал её, то она была замужем. Я даже не говорил с ней, смысл? Она утром ушла из моей квартиры, а вечером замуж вышла. Тут и так всё понятно.

Краткий рассказ у мамы тоже не вызывает особых эмоций, её интересует только подтверждение того, что Юля могла от

меня родить.

– Получается, она могла забеременеть от тебя, но думать, что родила от мужа, раз так быстро выскочила замуж... Тогда сомнений почти не остаётся, – мать просияла ведьминской улыбкой.

– Но как вообще у меня могла появиться дочь? – я всё ещё не понимаю.

Закатывая глаза, мама объясняет:

– Раз это было до ритуала, который вернул тебе волка, то значит, ты зачал девочку, будучи вполне себе человеческим парнем. Но так как моим сыном ты быть не переставал... То у меня будет наследница!

Ах, да, как же я забыл. Любую ведьму интересует этот вопрос. Выйдя замуж за альфу, мама перечеркнула для себя возможность получить дочь или внучку, но теперь... Вот это, конечно, удача. И она ни за что не откажется от этого.

– Юля нихрена не знает об оборотнях, ведьмах и всём таком, – немного сбиваю я спесь с матери, которая готова уже, в прямом смысле, лететь в сторону дома, в котором живёт Юля с... моей дочерью. – И она может не знать, что ребёнок у неё от меня. Если ты сейчас заявишься к ним и начнёшь проявлять всю бабулю любовь, то пойдёшь к чёрту.

Мама немного расстраивается, но пыла не утрачивает.

– Ты должен узнать, в курсе ли она, чья у неё вообще дочка, – тон матери назидательный. – Потом тебе нужно показать, что ты рад, познакомься с девочкой, познакомь меня с

ней. Я разберусь. Ну а Юля твоя... Большая девочка, в конце концов, покажи ей лучшую часть себя!

Я закатил глаза.

— Что? — мама не унимается. — В волчьей форме ты пушистый, да и белый, — аргумент всем аргументам, конечно. — В общем, не мне тебя учить, если ты даже будучи просто человеком смог очаровать девчонку настолько, что заделал мне внучку, то сейчас для тебя нет ничего невозможного.

С этими словами мама уходит в сторону своего дома, а я, как мешком пристукнутый, иду по улицам посёлка куда ноги несут.

Ноги — не мозги, поэтому я даже не удивляюсь, когда оказываюсь возле "своего" дома, который я пожертвовал Юле и её... нет, нашей дочери.

Чёрт, дочь. Звучит бредово, но объяснение логичное получено, а значит, это не бред. Но осознавать всё равно сложно.

Несколько минут, а может даже час, стою возле дома, в котором не горит свет, и просто думаю. Пытаюсь представить, как мне со всем этим разобраться. Войны и интриги кланов это конечно круто, вот только к ним меня готовили, а к необходимости знакомиться с собственным ребёнком — нет.

Когда я решаю пойти в деревню и всё-таки выгулять "лучшую свою часть", то разворачиваюсь в сторону выезда и тут же вижу как Юля с дочкой в сопровождении Ланы выворачивают из переулка.

Юля стопорится. Она точно не рада меня видеть. Они раньше не была рада, но мне было плевать, а сейчас я понимаю, что хочу я того или нет, мне придётся с ней общаться и посвящать её во всю клановую жизнь, потому что не похоже, чтобы ей было плевать на дочку. Может, конечно, я её идеализирую, а она просто хорошая актриса, но в моих глазах предать парня и предать ребёнка – два совершенно разных по тяжести поступка.

– О, а ты что тут делаешь? – Лана, как и всегда, бесцеремонна. – Офигеть ты конечно негостеприимный, девчонки тут сидели как не знаю кто в доме, скучали. Сказал бы хотя бы мне, я бы им всё показала, – я отмалчиваюсь, Лана поворачивается к Юле: – Ладненько, пока, я если что забегу к вам завтра, ага? Мила, пока-пока! – последние слова обращены к девочке.

– До свидания, – говорит Мила, и я смотрю на неё во все глаза.

Мила, да, кажется Юля называла её по имени, я просто мимо ушей пропустил. Я не большой спец в детях, но тут вижу, что она похожа на Юлю как маленький клон. Мне ещё предстоит узнать её характер, но на лицо она один-в-один её мама.

Лана уходит, и мы стоим рядом как истуканы.

– Тебе что-то нужно? – спрашивает Юля.

– Мне?.. Да. Можно зайду?

Оказавшись в доме, я уже не чувствую себя как хозяин.

Веду себя как и положено гостю: усаживаюсь в гостиной и не дёргаюсь, пока Юля загоняет любопытную Милу переодеваться.

Девочке явно интересно, что я тут забыл, но она слушается Юлю, которая усиленно пытается не допустить нашего общения, это заметно сразу. Понаблюдав за этим, я прихожу к выводу, что Юле прекрасно известно о том, что Мила моя дочь. Впрочем, это и не удивительно... Она никогда не была дурочкой, может, она забеременела даже до нашего последнего утра и сразу планировала всуропить ребёнка Диме, который на тот момент выглядел явно более перспективным в её глазах.

У меня уже нет злости, я об этом всём рассуждаю отстранённо. Общаться с дочерью она мне не сможет запретить, изображать из себя мудака, который разлучит её с ребёнком тоже не собираюсь. Но и желания ходить вокруг да около никак не появляется, хотя мама явно хотела более плавного развития событий, но мне теперь кажется, что проще сказать Юле о том, что я всё знаю и потом уже "плясать" от того, как она отреагирует. Если самой Юле по вкусу увиливать и врать, то мне – нет. Значит нужно до конца придерживаться своего принципа.

– Так что тебе нужно? – Юля выглядит более смелой и свободной, чем в прошлую нашу короткую встречу. Наверное, решила, что знакомство с Ланой чем-то ей поможет. Тут уже зависит только от самой Ланы: если Юля и правда при-

шласть ей по душе, то да, я при всём желании вряд ли смогу сделать против Юли что-то, даже если вдруг захочу. Но судя по тому, что Лана просто показала маме Милу, у их общения исключительно корыстная цель, о которой Юля просто не знает.

– Мне нужно с тобой просто поговорить, – я киваю на кресло, которое стоит напротив моего. – Садись, я не о зимних ботинках разговаривать пришёл.

Юля подчиняется, но теперь выглядит раздражённой. Правда, мне плевать. Это лишь её проблемы.

– И о чём же ты собрался говорить? О Диме? Я ничего не знаю. Знала бы – сказала, – и почему-то мне кажется, что она не врёт. Но с ней всегда ключевое слово "кажется".

– И почему сказала бы? – мне правда интересно. – Разве жена не должна быть на стороне мужа?

Юля усмехается.

– Я на стороне себя и дочки. Если вы разберётесь в ваших с Димой делах, мы сможем просто уйти, так ведь? – и она действительно в это верит.

Если бы не сегодняшнее открытие, возможно, и правда, мы бы нашли Око, и Юля бы отправилась куда там ей угодно. Но теперь об этом и речи быть не может.

– Нет, не так. И я пришёл говорить не о твоём муже, а о нашей дочери.

На несколько мгновений Юля застывает, у неё даже глаза стекленеют. Мне кажется даже, что она вот-вот грохнется

в обморок, но этого не случается. Всё ещё изображая едва живую статую, она произносит:

– Что ты такое говоришь... У нас с тобой нет дочери.

И вот теперь видно, что Юля врёт. Куда делись её актёрские таланты?

– Я не спрашиваю тебя, не проверяю. Я знаю, что Мила моя дочь, – говорю ровно и спокойно.

Юля отводит взгляд и скукоживается. Ворошит руками волосы, не смотрит мне в глаза. Я наблюдаю за ней, не тороплю, потому что в принципе мне и не важно сейчас, что она будет говорить. Главное я уже сделал: сказал ей.

Спустя пару минут Юля садится ровно, упрямо сжимает губы и смотрит на меня в упор. Она собирается что-то сказать, но тут в гостиную вбегает Мила.

– Мама-мама, мне ску-у-учно, я хочу мультики или поиграть в телефон, где телефон?

Девочка забирается к Юле на колени и суетливо начинает дёргать её.

Юля смотрит на Милу немного непонимающе, её упрямая маска слетела. Ещё немного и Мила заплачет, потому что мама её игнорирует.

– Ты умеешь мультики включать? – я отвлекаю дочку на себя. – Смотри, у меня пульт есть, – беру его с полки, куда ребёнок бы точно не добрался, – Только я не знаю, как у вас тут телевизор работает, – Мила тут же слезает с Юлиных колен и торопится к пульту, – Ого, молодец, сама включила. Ты

тогда смотри мультики пока, ладно? Мы с твоей мамой сейчас поговорим немного, – Мила кивает и смотрит на экран, а я хватаю растерянную Юлю за руку и тащу в сторону библиотеки. Когда мы уже там, она одёргивает руку и отходит от меня дальше.

Я, похоже, силу не рассчитал, потому что она потирает покрасневшие запястья и, похоже, не притворяется, ей и правда больно.

– Извини, я не хотел, – считаю, что мне не нужно с ней ссориться. Миле без мамы будет плохо, причём намного хуже, чем обычному ребёнку, ведь мы привязаны к матерям очень сильно лет до семи, потом становится проще, но обычными отношения мамы и дочери становятся только к тридцатилетию колдуньи. До этого момента остаться без матери может быть опасно для психики.

– Ты неплохо ладишь с детьми, – Юля не обращает внимания на извинения.

– У меня есть племянники, – она смотрит вопросительно. – Дети Ланы.

– Она твоя сестра? Не знала, что у тебя есть сестра... – Юля выглядит так, будто её это волнует.

– А я не знал, что ты беременна от меня и выходишь замуж за какого-то придурка, – говорю спокойно, потому что это просто факт. Наверное, если бы не ритуал, мне бы пришлось сложнее, потому что я помню, что очень любил Юлю, но сейчас всё проще. Я испытал злость на неё, но я злился,

будто она не меня предала, а моего друга или вроде того. Отстранённая эта злость была.

– Не собираюсь перед тобой оправдываться, – она вздёргивает подбородок. – Откуда ты знаешь, что Мила твоя дочь? Она похожа на меня практически полностью, у неё почти ничего от тебя нет, – похоже, Юля взяла себя в руки. – И что ты собираешься делать со своим знанием? Она считает Диму своим отцом...

– Я не собираюсь травмировать дочь признанием, – осекаю её. – Но чуть позже, когда она ко мне привыкнет, мы ей скажем. Я не собираюсь разлучать вас, но собираюсь полноценно участвовать в её жизни. К Диме вы не вернётесь. Точнее, ты можешь это сделать, но если тебе нужна Мила, то тебе придётся остаться здесь, – я блефую, потому что Юля всё равно, что бы она там не решила, останется тут. – Ещё вопросы?

– Нет. Уйди, – Юля смотрит на меня зло, и я решаю, что лучше и правда оставить её на сегодня в покое. А вот завтра я приду, чтобы пообщаться с Милой, и Юле придётся с этим смириться.

Глава 8. Юля

Когда Андрей покидает дом, я понимаю, что у меня трясутся руки и ноги, и вся я трясусь.

Мила и дальше смотрит мультики, поэтому я закрываю дверь, проверяю, чтобы закрыты были все окна и ухожу в свою комнату, чтобы не попасться ей на глаза в таком состоянии.

Хочется разрыдаться, но сделать это почему-то не выходит. У меня будто упала заслонка: я не могу испытать все свои эмоции, которые во мне бурлят, в полной мере.

В какой-то момент понимаю, что вернулась к своей старой дурной привычке: грызу ногти. На правом указательном пальце ногтя уже нет, но я не останавливаюсь и перехожу к следующему.

Откуда вообще Андрей узнал, что Мила его дочь? Что его могла привести к такой мысли... Возраст, конечно, но это странно. Он не выглядел так, будто вообще обращает внимание на Милу, да и когда он мог успеть сделать ДНК-тест, если ему неоткуда было взять её биоматериал?

Но на самом деле этими размышлениями я себя просто отвлекаю. Это не важно, важен факт. Он знает, и ему не плевать. Да, я всегда знала, что Андрей – "хороший парень", несмотря на грозный вид и дурноватый местами характер. И думала, что его семье с ним повезёт, но никак не рассчиты-

вала, что мой ребёнок будет как раз тем "везунчиком".

Через какое-то время я нахожу в себе силы, чтобы отправить Милу в душ и спать, но вот сама никак не могу выключиться, мой мозг продолжает перебирать никчёмные ненужные детали, варианты, выдвигать безумные идеи побега...

Но куда мне бежать? Родителям я не сильно нужна, Дима боится Андрея слишком сильно, да и новость ему точно не понравится. Мне бы не понравилась. Несмотря на то, что в браке я была ему верна, тупо потому что мне нафиг не нужен был бессмысленный секс с риском для репутации и стабильности жизни, я умудрилась родить ребёнка не от него. Отсутствие повторных беременностей наводило на мысль о том, что с Димой мы либо несовместимы, либо он бесплоден, но проверять это я не могла и не хотела.

Под утро я всё-таки вырубилась, но проснулась через два часа и больше уснуть не смогла.

Идти куда-то с Милой я сегодня не собиралась, но даже если бы она законючила, то ничего бы не вышло: после вчерашних развлечений она проснулась с температурой. Причём, насколько я могла судить, она просто пылала, а в этом грёбанном доме даже не было намёка на градусник и, хотя бы, парацетамол.

Я металась между кухней и комнатой дочки, смогла только компресс ей наложить. Вариантов у меня нет, нужно бежать к Лане, и не важно, кем она там приходится Андрею, но я боялась оставить дочь одну. Опять же, лучше ей от мое-

го присутствия не становится, так что вскоре я, наспех одевшись, выскакиваю на улицу. Мила дремлет, и я надеюсь, что она проспит до моего возвращения.

Но к дому Ланы я не дохожу, потому что у ворот встречаю Андрея.

Что ж, он – отец, значит, пусть включается в родительство.
– Где здесь аптека? – без приветствий и любезностей спрашиваю я. – У Милы температура, нужны жаропонижающие хотя бы.

Андрей смотрит на меня непонимающе, потом моргает и говорит:

– Давай закажем? – сидя практически в четырёх стенах, я и забыла, что такое цивилизация.

– Доставка в такую глушь разве ездит? – сомневаюсь, вообще-то, но мало ли.

– У нас свои курьеры, заберут из аптеки и привезут, – мужчина подталкивает меня в сторону дома.

Когда мы уже в гостиной, он вручает мне телефон, в браузере открыт нужный сайт. Я быстро вбиваю названия и отправляю в корзину сиропы и таблетки, леденцы, которые снимают боль в горле, градусник и ещё какие-то мелочи, которые дома были у меня под рукой.

Пока я этим занимаюсь, Андрей моет руки. Когда он возвращается, то быстро что-то тыкает в приложении, скринит и кому-то отправляет.

– Через час-полтора всё привезут. Лана сейчас принесёт

таблетки, какие у неё есть... У местных детей хороший иммунитет, когда они становятся постарше, так что на многое рассчитывать не приходится.

Я киваю. Сейчас пользы будет много и от таблетки парацетамола, немного сбить жар, чтобы спокойно дождаться всех лекарств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.